

60 / 2025

Балтийский регион: от сотрудничества к конфликту

Российский совет
по международным
делам

Игорь Жуковский

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

Автор:

канд. полит. наук **И.И. Жуковский**

Редакторская группа:

канд. ист. наук **С.М. Гаврилова** (ответственный редактор), **М.С. Лазович**,
Д.О. Растегаев (выпускающий редактор)

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций в интересах российских органов государственной власти, бизнеса, НКО и иных организаций, нацеленных на внешнеполитическую деятельность. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства “Российский совет по международным делам”».

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертная деятельность Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел России в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности Российской Федерации в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев.

УЧРЕДИТЕЛИ

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Министерство образования и науки Российской Федерации

Российская академия наук

Российский союз промышленников и предпринимателей

Информационное агентство «Интерфакс»

Высказанные в аналитической записке мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции автора и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст аналитической записки опубликован на интернет-портале НП РСМД.

Источник фото на обложке: TACC / IMAGO / Lehtikuva

Балтийский регион: от сотрудничества к конфликту

Введение

Геополитические потрясения 1990-х гг. напрямую затронули регион Балтийского моря: СССР распался, Организация Варшавского договора была распущена, а Германия вновь стала единой. Логика «конца истории» диктовала на всем Европейском континенте совершенно новые принципы построения мира: торгово-экономическое и военно-политическое сотрудничество было основано на признании общих целей развития, для достижения которых использовались универсальные практики взаимодействия на международном уровне. Стремительно развивавшиеся торгово-экономические, культурно-гуманитарные, образовательные, инвестиционные связи в Балтийском регионе позволяли преодолевать недавний опыт межблокового противостояния периода холодной войны. Созданные региональные организации и форматы взаимодействия если и не формировали новую «балтийскую» региональную идентичность

(а такие предположения высказывались в самом начале 1990-х гг.), то уж точно создавали работающие механизмы для реализации общерегиональных проектов. Эти инициативы реализовывались странами, готовыми к взаимовыгодному сотрудничеству.

Тем не менее, старательно культивируемые региональные форматы и проекты международного сотрудничества оказались непрочными перед глобальными вызовами. Дегradация институтов глобального управления, нарастание противоречий между коллективным Западом и восстанавливающей свой экономический, политический и военный потенциал Россией привели к мировому политическому кризису¹, в котором интенсивно милитаризирующийся регион Балтийского моря стал играть роль логистического хаба для стратегических соперников — России и НАТО / ЕС.

Регион сотрудничества

В марте 1992 г. на конференции министров иностранных дел государств, имеющих прямой выход к Балтийскому морю, и Норвегии, был создан Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Идейными вдохновителями его образования стали министр иностранных дел Германии Ханс Дитрих Геншер и его датский коллега Уффе Эллеманн Йенсен². Создание общерегиональной международной организации стало символическим началом фазы интенсивного межгосударственного взаимодействия в регионе на основе принципов, заложенных в Уставе ООН, хельсинском Заключительном акте, Парижской хартии и других документах СБСЕ³.

Страны СГБМ на высоком политическом уровне заявляли о готовности совместно действовать в общих интересах и подтверждали приверженность сотрудничеству, предполагавшему разрешение возникающих многосторонних и двусторонних противоречий регионального характера в духе добрососедства и партнерства. Идея построения системы региональных организаций, проектов и инициатив под политическим зонтиком СГБМ представлялась более приемлемым и эффективным решением, стимулировавшим региональное развитие, — в сравнении с деятельностью международных организаций, сосредоточенных на решении глобальных

ОБ АВТОРЕ:

Жуковский Игорь Игоревич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Группы комплексных исследований Балтийского региона Центра изучения стратегического планирования ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27.10.2022.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>

² 1992 CBSS 1st Ministerial Session – Copenhagen Declaration. 5-6 March 1992 // Council of the Baltic Sea States.
URL: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/1992-CBSS-1st-Ministerial-Session-Communique.pdf>

³ Жуковский И. Совет государств Балтийского моря: вольется ли новое вино в старые мехи? // Международный дискуссионный клуб Валдай. 19.09.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sovets-gosudarstv-baltiyskogo-morya/>

задач и преодолении многочисленных военных и гуманитарных кризисов начала 1990-х гг.

В XXI в. Балтийский регион вступал, имея определенный набор работающих проектов и инициатив, охватывающих целый ряд сфер сотрудничества: от регулирования вопросов эксплуатации живых ресурсов Балтики до общерегионального онлайн университета (*Baltic University Programme*), от площадки согласования принципов морского пространственного планирования (*Vision and Strategies Around the Baltic Sea, VASAB*) до фестивалей Союза балтийских городов (*Union of the Baltic Cities, UBC*).

Важнейшим вопросом, требовавшим реализации принципов благожелательного сотрудничества стран Европейского союза и России в Балтийском регионе на деле, стала проблема обеспечения развития Калининградской области РФ. Это полуэксклавный (с учетом прямого доступа к морю) регион, отделенный от основной части страны территориями заявивших о стремлении к интеграции в евроатлантические институты Польши и Литвы (что воспринималось конфронтационным шагом по отношению к России) и Белоруссией.

«Калининградская головоломка» (*"Kaliningrad Puzzle"*)⁴ заключалась в поиске Россией и Евро-союзом оптимальной стратегии для обеспечения жизнедеятельности и гарантированного экономического развития Калининградской области после вступления в НАТО и ЕС Польши и Литвы. Последнее накладывало ограничения на обеспечение российского транзита пассажиров и грузов, на организацию торгово-экономического и энергетического сотрудничества с соседними странами и на обеспечение военной безопасности российского региона.

Сценариев разрешения «калининградской головоломки», обсуждавшихся на рубеже XX и XXI веков, было не так много. Казавшийся заманчивым концепт «Гонконга на Балтике»⁵ не имел перспектив из-за отсутствия политической воли к его реализации — как со стороны стран-соседей, так и со стороны материнского государства. Более того, сама идея о демилитаризованном регионе со свободным

режимом доступа иностранных инвестиций и граждан, применении особых (отличных от национальных) условий хозяйствования и предпринимательства не получила поддержки на федеральном уровне, и на этапе экспертного обсуждения была снята с повестки дня. Можно предположить, что эта идея могла бы создать в перспективе угрозу «ползучего сепаратизма» на основе роста антифедералистских настроений населения региона.

Обсуждавшаяся в то же время концепция «сухопутного авианосца» предполагала осуществление ограниченных торгово-экономических связей с соседними государствами, радикальное сокращение трансграничного пассажиропотока при укреплении оборонительного (а по некоторым предложениям — и наступательного) потенциала размещенной в регионе армейской группировки, т.е. формирование «островной» модели региональной энергетики и экономики в целом. С высоты сегодняшнего дня становится понятным, что именно этот казавшийся маловероятным сценарий и оказался реальностью.

В 1990-х гг. исследовательская группа профессора Калининградского университета Г.М. Федорова предложила концепцию «Калининградская область как регион сотрудничества России и ЕС»⁶. Она предполагала возможность использования региона как площадки построения кооперационных сетей для интенсификации экономических (свободная / особая экономическая зона), политических (диалоговая и переговорная площадка), научно-образовательных (развитие и интернационализация университетского комплекса) и культурных (формирование культурного кластера) связей с Европейским союзом, что позволило бы создать новую модель международных отношений в регионе Балтийского моря — «регион сотрудничества России и ЕС». Модель предполагала закрепление на федеральном уровне стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона интенсивного взаимодействия России и ЕС.

Эта перспективная идея была принята и со стороны ЕС, и со стороны России скорее как

⁴ Joenniemi P., Dewar S., Fairlie L.D. *The Kaliningrad Puzzle: A Russian Region Within the European Union*. COPRI working papers. Vol. 6. 2000.

⁵ Oldberg I. *The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast. Cooperation and Conflict*. COOP CONFL. 2000. Vol. 35. P. 269-288.

⁶ Хлопецкий А.П., Федоров Г.М. Калининградская область: регион сотрудничества: монография. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

следствие духа времени, нежели как руководство к действию. Она реализовывалась без должной нормативной формализации и без особого рвения — каждая из сторон по-своему понимала сотрудничество вокруг Калининградской области в соответствии со своими декларируемыми и недекларируемыми интересами. При оценке реализации идеи региона сотрудничества России и ЕС, становится очевидно, что она была торпедирована усилиями Польши и стран Балтии, стремившимися в рамках своей интеграции в евроатлантические структуры секьюритизировать практически любой вопрос взаимодействия с Россией.

Вступление Польши и стран Балтии в Европейский союз 1 мая 2004 г. имело критические последствия для облика региона. Новоявленные члены ЕС избрали своим внешнеполитическим профилем «восточную политику»⁷, имея амбиции не только предлагать свой экспертный потенциал по проблематике России

и в целом постсоветского пространства, но и прямо участвовать в разработке и реализации «восточной политики» ЕС в духе продвигаемой польскими политиками современной интерпретации доктрины Гедройца-Мерошевского⁸. Она предполагала, что фундаментальной и долгосрочной целью польской внешней политики должно стать существование независимых от российского влияния постсоветских стран⁹.

Польша, страны Балтии, а также примкнувшая к ним в этом вопросе Германия, видели в ЕС ключевого модератора политико-экономической повестки в регионе Балтийского моря, что впоследствии выразилось в разработке и принятии Стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря. В НАТО указанные государства видели фундамент национальной и региональной безопасности, параллельно укрепляя двустороннее военно-политическое сотрудничество с США и развивая собственный оборонный потенциал.

«Прохладная» война и регион конфликта

Период обострения противоречий между Россией и странами Запада профессор СПбГУ К.К. Худолей описывает как эпоху «прохладной войны» в регионе Балтийского моря. Она характеризуется снижением предсказуемости и управляемости международных процессов в условиях «разлома» в отношениях России и остальных региональных игроков¹⁰. В Балтийском регионе развитие многосторонних кооперационных сетей между негосударственными игроками, накопленный опыт межрегионального сотрудничества не сработали как задуманные «политические амортизаторы», а динамика регионального сотрудничества определялась характером взаимоотношений России со странами НАТО и ЕС. Нейтральные в то время Швеция и Финляндия включались в ограниченные форматы военно-политического сотрудничества со странами НАТО, что закладывало основы для возникновения сомнений в России о неизменности их внеблокового статуса.

В этом контексте Ю.М. Зверев справедливо зафиксировал, что концепция Балтики как региона сотрудничества с западными соседями схлопывалась постепенно, в результате накапливаемых противоречий и обострения международной обстановки, вплоть до практически полного прекращения взаимодействия за исключением увядающих торговых связей¹¹. Формальное исключение России в 2022 г. из региональных форматов сотрудничества предварили процессы построения балтийских механизмов взаимодействия внутри НАТО и ЕС, инициированные с целью наращивания собственного политико-экономического и военно-дипломатического потенциала в Балтийском регионе.

12 августа 2008 г., во время «Пятидневной войны» в Грузии, президент Польши Лех Качинский в присутствии президентов Эстонии, Литвы, Латвии и Украины на митинге в Тбилиси произнес речь, в которой сформули-

⁷ Под «восточной политикой ЕС» понимается внешнеполитический курс Европейского союза в отношении его восточных соседей.

⁸ О значимости т.н. «Доктрины Гедройца-Мерошевского» для польской внешнеполитической линии неоднократно заявляли министры иностранных дел Польши Р. Сикорский, А. Ротфельд.

⁹ Целостность этой доктрины вызывает у специалистов обоснованные сомнения. См.: Офицеров-Бельский Д.В. Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4(61). С. 51-61.

¹⁰ Худолей К.К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 4-24.

¹¹ Зверев Ю.М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 4. С. 24-41.

ровал понимание экзистенциальной угрозы со стороны России: «сегодня Грузия, завтра Украина, послезавтра страны Балтии, а позднее может и придет время для моей страны, Польши»¹². С этого момента Варшава приступила к активному продвижению в евроатлантических структурах своего понимания безопасности в Балтийском регионе, основанного на соперничестве с Москвой, невзирая на растущую включенность в торгово-экономические и энергетические проекты России и других стран Европейского союза.

Польша, Литва, Латвия и Эстония деятельно включились в разработку Стратегии ЕС для региона Балтийского моря, продвигая концепцию превращения Балтики в ареал преимущественных интересов Европейского союза¹³, на окраинах которого выстраиваются взаимоотношения с Россией, Исландией, Белоруссией и Норвегией. Именно Европейская комиссия виделась источником политической силы и финансовых ресурсов для преобразования региона, для снижения ценности российского компонента региональной повестки¹⁴. Принятие Стратегии в 2009 г. стало фактором, девальвирующим замысел «моря сотрудничества»: приоритетными для стран региона, входящих в ЕС, стали именно рамки и механизмы сотрудничества Европейского союза, исключаящие Россию, хотя и оговаривавшие особые форматы реализации совместной региональной повестки¹⁵. Подчеркнем, что ключевыми факторами демонтажа логики региона сотрудничества и развития конфликтного сценария «прохладной войны» стали спроецированные на региональную повестку внерегиональные проблемы: эрозия гегемонистской модели мировой политики, накопленные противоречия на уровне НАТО — Российская Федерация и острая фаза этого конфликта — кризис вокруг Украины.

Эскалация украинского кризиса в 2022 г. привела к тому, что ситуация в регионе стала конфликтной. Россия была выведена практически из всех важнейших форматов регионального сотрудничества, которые изначально и были призваны амортизировать кризисы, служить механизмом согласования интересов и создавать условия, в которых сотрудничество не позволяло конфликтам приобретать необратимый характер.

3 марта 2022 г. министры иностранных дел всех зарубежных стран Совета государств Балтийского моря и Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности приняли Декларацию об отстранении России от участия в работе СГБМ «до момента, позволяющего возобновить сотрудничество на основе фундаментальных принципов международного права»¹⁶. 17 мая 2022 г. было опубликовано Заявление МИД России о выходе страны из Совета, в котором содержалась оценка динамики отношений в регионе, включающая характеристику СГБМ как инструмента антироссийской политики¹⁷.

Аналогичная судьба (переход от согласия к конфликту в результате реагирования на внерегиональные факторы) постигла и Северное измерение — еще одну кооперационную сеть, отличавшуюся высокой интенсивностью и эффективностью практического взаимодействия. Деятельность Северного измерения охватывала окружающую среду, ядерную безопасность, здравоохранение, энергетику, транспорт, логистику, развитие торговли и инвестиций, научные исследования, образование и культуру. Это была модельная кооперационная сеть регионального характера, имеющая финансовые инструменты, политическую поддержку и конкретные осязаемые результаты работы, в том

¹² Выступление президента Польши Леха Качиньского в Тбилиси // Президент Польши. 12.08.2008.

URL: <https://www.prezydent.pl/kancelaria/archiwum/archiwum-lecha-kaczynskiego/aktualnosci/rok-2008/wizyta-prezydenta-rp-w-gruzji,26753,archive>

¹³ Опыт разработки и принципиальная модель Стратегии ЕС для Балтийского региона (*EUSBSR*, 2009 г.) позднее были использованы при разработке других макрорегиональных стратегий — для Дунайского региона (*EUSDR*, 2010 г.), для Адриатического и Ионического региона (*EUSAIR*, 2014 г.) и для Альпийского региона (*EUSALP*, 2015 г.).

¹⁴ Резолюция Сейма Литовской Республики. Вильнюс «О стратегии Балтийского моря» // Сейм Литовской Республики. 19.04.2007.

URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?fwid=fhhu5ml1c&documentId=TAIS.295996&category=TAD>

¹⁵ Жуковский И. И. Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 4. С. 145–160.

¹⁶ Declaration by the Ministers of Foreign Affairs of Denmark, Estonia, Finland, Germany, Iceland, Latvia, Lithuania, Norway, Poland and Sweden and the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy on the participation by the Russian Federation and Belarus in the work of the Council of the Baltic Sea States // Government of Poland. 3 March 2022.

URL: <https://www.gov.pl/web/finlandia/federacja-rosyjska-zawieszona-w-pracach-rady-panstw-morza-baltyckiego>

¹⁷ Заявление МИД России о выходе Российской Федерации из Совета государств Балтийского моря // МИД России. 17.02.2022.

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813674/

числе по ядерной безопасности, включающей и глобальное измерение. 8 марта 2022 г. Европейский союз, Исландия и Норвегия приостановили до дальнейшего уведомления любое сотрудничество Северного измерения с Россией и Белоруссией.

Сейчас все зарубежные страны Балтийского региона выступают в поддержку Украины, реализуют национальные программы оказания политической и прямой военной поддержки Киеву, параллельно участвуя в программах, координируемых НАТО, ЕС и «балтийскими» форматами сотрудничества. Польша служит глобальным логистическим хабом для грузов гуманитарного и военного назначения для Украины, параллельно развивая собственную военную инфраструктуру, увеличивая численность и операционные возможности вооруженных сил.

Отдельно стоит внести несколько важных ремарок о Финляндии и Швеции, вступление которых в НАТО зафиксировало тренд на милитаризацию и военно-дипломатическое освоение региона в интересах США и Североатлантического альянса¹⁸. В стратегических документах 2022 г. (*2022 Strategic Concept*)¹⁹ НАТО официально определила Россию как «самую значительную и прямую угрозу» безопасности союзников и всего евроатлантического пространства, в обновленные документы стратегического планирования Швеции²⁰ и Финляндии²¹ были включены идентичные оценки.

Заместитель председателя Совета Безопасности России Д.А. Медведев, оценивая вступление Швеции и Финляндии в НАТО, заявил о том, что безъядерный статус Балтики более не является актуальным²². Балтика с 2022 г.

превратилась в регион ускоренной милитаризации и наращивания операционных возможностей и НАТО²³ (особенно приграничных стран), и России.

Для Финляндии, имеющей протяженную границу с Россией, вступление в НАТО формально означало фундаментальное изменение доктрины безопасности. Ранее страна считала себя внеблоковой, развивая в первую очередь собственный оборонный потенциал и отдавая приоритет военно-технологическому сотрудничеству со Швецией при сохранении хороших политических и экономических отношений с Россией. Исследователь С.В. Андреев справедливо обращает внимание на то, что на самом деле опция присоединения к НАТО рассматривалась всерьез с момента начала кризиса на Украине в 2014 г., но финское общество не демонстрировало достаточной поддержки для реализации такого шага²⁴. Ведущий научный сотрудник Финского института международных дел Матти Песу, описывая путь Финляндии в НАТО, подчеркивает, что Хельсинки сотрудничал с Альянсом по ряду оборонных и кризисных инициатив еще с начала 1990-х гг., однако радикальное изменение настроений в финском обществе произошло именно с 2022 г. вследствие эскалации украинского кризиса и последовавшей внутривластной дискуссии о последствиях присоединения к альянсу: «большинство финнов поддержали решение»²⁵. Военные расходы Финляндии в 2024 г. составили 6,8 млрд евро (более 2,4% ВВП)²⁶.

Швеция определяет свою роль в НАТО главным образом как провайдера безопасности в Балтийском регионе. Во-первых, Стокгольм стремится развивать военно-техническое сотрудничество с Финляндией и Норвегией,

¹⁸ Это позволило некоторым политикам и экспертам использовать применительно к Балтийскому морю термин «внутреннее море НАТО».

¹⁹ NATO 2022 Strategic Concept Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid // 2 NATO's Strategic Warfare Development Command. 9 June 2022. URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/290622-strategic-concept.pdf>

²⁰ National security strategy // Government Offices of Sweden. 2024.

URL: <https://www.government.se/information-material/2024/07/national-security-strategy/>

²¹ Government Defence Report 2024 // Ministry of Defense of Finland. URL: https://www.defmin.fi/en/themes/defence_policy_reports#1f47ed12

²² Балтика может потерять безъядерный статус // РИА Новости 14.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220414/baltika-1783465933.html>

²³ В 2024 г. Варшава приняла решение о значительном и беспрецедентном увеличении своих расходов на оборону. В настоящее время на военную модернизацию выделяется более 4 % ВВП — самый высокий показатель среди всех государств — членов НАТО в процентах от ВВП.

²⁴ Андреев С. Финляндия: два года в НАТО // РСМД. 28.04.2025.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finlyandiya-dva-goda-v-nato/>

²⁵ Песу М. Логично, но неожиданно - путь Финляндии в НАТО с близкой точки зрения (на польск. Pesu M. Logiczne, ale nieoczekiwane – droga Finlandii do NATO z bliskiej perspektywy) // NATO Review. 30.08.2023.

URL: <https://www.nato.int/docu/review/pl/articles/2023/08/30/logiczne-ale-nieoczekiwane-droga-finlandii-do-nato-z-bliskiej-perspektywy/index.html>

²⁶ Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2024) // NATO's Strategic Warfare Development Command.

URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf

продвигая идею подчинения всех северных стран единому оперативному командованию НАТО (*JFC Norfolk*). Во-вторых, в интересы Швеции входит формирование общих оборонных возможностей со странами Балтии, Германией и Польшей. Стокгольм называет главной угрозой Россию, «поддерживаемую другими авторитарными государствами, такими как Иран, Китай»²⁷. 17 декабря 2024 г. парламент Швеции принял оборонную стратегию на 2025–2030 гг., определяющую основные направления военного сотрудничества и развития оборонного потенциала страны после обострения украинского кризиса и вступления в НАТО. Документ обосновывает увеличение военных расходов с более чем 122 млрд крон (2,2% ВВП) в 2024 г. до 186 млрд крон к 2030 г. (2,6% ВВП)²⁸.

Для понимания всеохватности милитаризации региона важно иметь в виду, что в 2024 г. впервые в истории НАТО была принята Стратегия реализации цифровой трансформации (*2024 Digital Transformation Implementation Strategy*) — комплексный план модернизации цифровой инфраструктуры и потенциала альянса, в открытой части которого изложена стратегия противодействия таким гибридным угрозам, как кибератаки и информационные угрозы²⁹. Стратегия подчеркивает, что защита критической инфраструктуры, включая подводные кабели и энергетические узлы,

является одной из основ коллективной безопасности. Это в свою очередь обосновывает создание опережающих возможностей для реагирования на потенциальные угрозы, подразумевая сценарии повреждения или уничтожения критической подводной инфраструктуры на Балтике в случае эскалации конфликта с Россией³⁰.

Наращивание военного потенциала НАТО на Балтике автоматически привело к изменению актуальных целей военного планирования альянса, которые отрабатывались во время масштабных учений 2023 и 2024 гг. 29 апреля 2025 г. помощник президента России, председатель Морской коллегии Н.П. Патрушев заявил о том, что НАТО проводит вблизи российских границ самые масштабные за последние десятилетия учения, на которых отрабатывает сценарии наступательных действий, в том числе захвата Калининградской области и блокирования судоходства на Балтике³¹. По некоторым существующим оценкам, угроза морской блокады России в Балтийском море, призывы к которой неоднократно высказывались политиками из стран НАТО высокого ранга, не только возможна, но и реальна³². Можно уверенно предположить, что морская блокада Калининградской области и Санкт-Петербурга будет воспринята Россией как *casus belli* с вполне предсказуемыми последствиями.

Заключение

К июню 2025 г. Балтийское море превратилось в «регион сотрудничества без России»: страна исключена из продолжающих свою работу механизмов регионального взаимодействия при интенсификации военно-политического, энергетического и экономического сотрудничества государств региона с внерегиональными игроками, такими как США, Франция и др. Стремительная милитаризация региона и утрата статуса безъядерной зоны ведет к закреплению тренда на противостояние, сопровождается проработкой на уровне военного планирования сценариев полномасштабного конфликта и способствует нарастанию напряженности между Россией и НАТО. Сценарий полномасштабного конфликта имеет содержательные основания, и ведущие игроки региона его допускают. При оценке неизбежности сценария необходимо исходить из того, что

²⁷ National security strategy // Government Offices of Sweden. 2024. URL: <https://www.government.se/information-material/2024/07/national-security-strategy/>

²⁸ Defence Resolution 2025-2030 // Government Offices of Sweden. URL: <https://www.government.se/government-policy/total-defence/defence-resolution-2025-20302>

²⁹ NATO'S Digital Transformation Implementation Strategy // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_229801.htm

³⁰ За последние полтора года было повреждено не менее 11 подводных кабелей, имеющих критическое значение для международной инфраструктуры связи и передачи энергии, что вызывает опасения НАТО по поводу враждебной деятельности в «серой зоне» со стороны неопределенных государственных и негосударственных субъектов.

³¹ Патрушев: НАТО отрабатывает на учениях сценарии захвата Калининградской области // ТАСС. 29.04.2025. URL: <https://tass.ru/politika/23809423>

³² Стрюковатый В.В. Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки. 2024. № 1. С. 57-75.

современная интенсивность конфликта в регионе Балтийского моря регулируется текущей повесткой и интересами этих игроков.

Определенный оптимизм относительно будущего Балтийского региона базируется на том, что именно постконфликтные договоренности России с внерегиональными игроками могут стать ключевым фактором, определяющим модель международных отношений на Балтике. Ситуация в мировой политике может меняться невероятно быстро, решительно перелаывая складывающиеся тренды и конструируя новую политическую реальность поверх инерции военного планирования.

На Балтике имеется солидный опыт построения кооперационных сетей. В странах региона сохранились прямые связи участников политических, академических и общественных проектов и инициатив двустороннего и многостороннего характера. У региональных государств существуют объективные общие интересы в сфере экологии и экономики. Этот исторический опыт является источником оптимизма; возможно, в ближайшем будущем отношения в Балтийском регионе перейдут от «прохладной войны» и конфликта к выборочному сотрудничеству. «Прохладный мир» и выборочное сотрудничество определенно больше соответствуют российским интересам в Балтийском регионе, нежели сценарий полномасштабного конфликта.

Для заметок

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru